

Уродливый.

Фан Цин и Хэ Юй спрыгнули с повозки, установили подножку и приготовились помогать Мин Чжаню спуститься. Однако Мин Чжань с детства был мерзляком, а сегодня укутался в столько одежд, что утратил прежнюю ловкость. Вытянув ногу, он до подножки не достал. Попытался дотянуться кончиками пальцев, но лишь едва коснулся её.

— Хозяин, позвольте, я помогу вам сойти, — предложил охранник Фан Шунь.

Мин Чжань покачал головой. Он уже не ребенок, чтобы его на руках носили, а в усадьбе Чэнэньхоу полно народу, сплошь высокопоставленные лица. Если слух пойдет — где ему потом искать оправдания? Он взглянул на подножку, решив, что просто спрыгнет, главное — сохранить равновесие. Но прыжок вышел слишком резким: едва коснувшись ногой края скамейки, он поскользнулся и полетел вперед, грозясь растянуться на земле во весь рост.

Вэй Ань вышел встречать Мин Чжана лишь из вежливости, чтобы показать гостеприимство усадьбы Чэнэньхоу. Он никак не ожидал, что ему придется играть роль спасителя. Увы, если бы Мин Чжань был красавицей, это еще стоило бы того.

Когда Мин Чжань рухнул, Вэй Ань машинально протянул руки, чтобы поймать его. Кто же знал, что Мин Чжань не только толстоват, но и одет как медведь? В итоге они оба с грохотом покатались по земле, и Вэй Ань издал жалобный вопль.

Вэй Ань не отличался ни крепким здоровьем, ни навыками боевых искусств. Десятки килограммов веса Мин Чжана чуть не выбили из него дух, а самое главное — подбородок Вэй Аня пришелся прямо под удар головы Мин Чжана, и из раны хлынула кровь.

Мин Чжана, у которого в голове всё поплыло, поспешно подняли Хэ Юй и Фан Цин. Лица у них были бледнее полотна, они наперебой спрашивали:

— Хозяин, вы не ушиблись? Где болит?

Мин Чжань со слезами на глазах указал на рот и широко его открыл: крошечные, похожие на осколки фарфора молочные зубы исчезли.

Вэй Ань тоже поднялся и, коснувшись подбородка, обнаружил на руке кровь и два маленьких круглых предмета. Зоркий Хэ Юй подскочил, выхватил их, показал Мин Чжаню и принялся утешать:

— Все равно они уже шатались, пора было меняться. Ничего страшного.

Он бережно завернул зубы в платочек и спрятал за пазуху, добавив:

— Вернемся домой, положим за дверной порог, тогда новые зубы вырастут ровными.

Мин Чжань кивнул и поклонился Вэй Аню, послужившему живым матрасом. Вэй Ань, прижимая платок к подбородку, хотел было разозлиться, но сил не хватило. Посмотрев на Мин Чжана, он спросил:

— Ты сам-то не ушибся?

Мин Чжань покачал головой.

Вэй Ань тут же выплеснул гнев на Хэ Юя и Фан Цина:

— Он же такой маленький, а вы не могли подножку повыше поставить? Если бы он серьезно пострадал, сколько голов вы бы ни сложили, не расплатились бы!

Хэ Юй и Фан Цин не смели и слова вымолвить. Мин Чжань поначалу был благодарен Вэй Аню за спасение, но, услышав слова такой маленький, тут же пришел в ярость. Впрочем, он умел держать лицо, а поскольку говорить не мог, то просто улыбнулся и потянул каждого из слуг за руку, показывая, что не винит их.

Вэй Ань схватил Мин Чжана и повел внутрь, придерживая подбородок:

— Ну и хлопот с тобой. И второй двоюродный брат хорош, оставил такого малыша в столице, приставил двух бестолковых слуг, от которых толку — как с козла молока.

У входа он окликнул управляющего усадьбой Ли Мина:

— Займись гостями, я пойду обработаю рану.

Ли Мин поспешно спросил:

— Второй господин, не вызвать ли врача?

— Какого еще врача? У дедушки сегодня день рождения, приводить врача в дом — к добру ли это? Хочешь, чтобы нас отругали?

Вэй Ань отвел Мин Чжана в свой внутренний двор, приказал принести воды, чтобы тот прополоскал рот, а сам сел в стороне, пока служанки промывали ему рану и накладывали мазь.

В ту эпоху не было ни пластырей, ни бинтов. Рана на подбородке Вэй Аня от зубов Мин Чжана была глубокой, перевязать её не получалось. Вэй Ань махнул рукой:

— Ладно, пусть так остается. Буду чаще мазать.

Затем он заглянул в рот Мин Чжаню:

— Ну-ка, покажи зубы.

Мин Чжань продемонстрировал свою щербатую улыбку. Вэй Ань прыснул со смеху, ущипнул

его за пухлую щеку и утешил:

— Ничего, через несколько дней вырастут новые. Хорошо, что как раз время смены зубов, а если бы выбил уже выросшие постоянные, пришлось бы туго.

Вэй Ань обращался с Мин Чжанем как с ребенком и принялся ощупывать его ватную куртку:

— Ты так тепло оделся, не жарко тебе?

Мин Чжань помотал головой и смахнул руку Вэй Аня.

— Ого, малыш, ты еще и злишься?

Вэй Ань подумал, что дел невпроворот, и ему некогда развлекать ребенка. Он встал, взял Мин Чжана за руку, вывел наружу и передал управляющему, приказав проводить в главный зал.

Рука у Вэй Аня была сухой и очень теплой. Много лет спустя Мин Чжань уже забудет лицо Вэй Аня, но тепло его ладони будет помнить всегда.

Вэй Нин пользовался в столице неплохой репутацией. У людей всегда было много предубеждений против родственников императрицы, и достичь того, чего добился Вэй Нин, было непросто.

Зал был полон гостей. Усадьба Вэй пригласила самый известный в столице театр Фуси. Фэн Мин Чжань не интересовался оперой, но, чтобы не выделяться, притворялся знатоком: полуприкрыв глаза, он покачивал головой, изображая восторг. Если бы мог говорить, наверное, даже подпевал бы своим беззубым ртом.

На сцене актер в гриме Гуань Юя с седой бородой густым голосом пел:

— Благодарен доктору за доброту, пьян от вина, сыт от милости, старая мудрость гласит: три чаши вина решают все споры, одно опьянение уносит все печали...

— Второй господин Вэй обычно любит лишь цветы да ивы, но его мастерство перевоплощения и пение просто великолепны, — заметил кто-то.

Мин Чжань прислушался и присмотрелся к актеру, игравшему Гуань Юя: брови дугой, в глазах смех... Да это же Вэй Ань! Мин Чжань не удержался от улыбки: этот человек оказался весьма талантлив.

— В прошлый раз, когда праздновали в усадьбе Юннинхоу, Второй Вэй вошел во вкус и исполнил отрывок из Западного флигеля, вот это было действительно бесподобно... — добавил другой гость.

— Ничему хорошему не учится, всё тянется к низкопробным вещам, — эта фраза оборвала разговоры.

Мин Чжань обернулся и увидел Ду Жуфана. Он уже встречал его на банкете у Великой принцессы Фучан. Тот не любил шутить, был чопорным и строгим, явно не из легких собеседников. Сейчас брови Ду Жуфана были нахмурены, в глазах сквозило раздражение. Он сделал глоток вина, отвел взгляд и случайно столкнулся глазами с Мин Чжанем.

Ду Жуфан слегка кивнул в знак приветствия, Мин Чжань ответил тем же. На сцене пьеса подходила к концу, актер в гриме Лу Су пропел:

— Исчерпал все хитрости, а в итоге — пустота...

Затем раздался звонкий голос:

— Награда! Юннинхоу жалует Второму господину Вэю!

Поднос с сияющими драгоценностями полетел на сцену и обрушился прямо на Вэй Аня. Тот небрежно сорвал накладную бороду, обнажив подбородок с двумя ямками от укусов Мин Чжаня, и, прыгая на одной ноге, закричал в зал:

— Ах ты, Вэй Инцзя, посмел разыграть своего дедушку!

Он спрыгнул со сцены, и началось шумное застолье с наказаниями за проигрыш.

На сцене зазвучали суола, забили барабаны, и актер в образе Сунь Укуна начал выделять кульбиты, приземляясь легко, словно кошка. Возгласы одобрения заглушили шум, и началась новая пьеса.

Ду Жуфан подошел к Мин Чжаню и, наклонившись, тихо произнес:

— Четвертый господин, есть минутка?

Мин Чжань взглянул на него и не отказал. Хэ Юй и Фан Цин, разумеется, последовали за ним. Управляющий Ли Мин откуда ни возьмись возник рядом и проводил их в уединенное место.

Беседка.

Она стояла на искусственной горе в глубине сада, продуваемая всеми ветрами. Мин Чжань огляделся: ни души, отличное место. Ли Мин и слуги остались у подножия горы.

Мин Чжань думал, что с ним захочет поговорить Бэйчанхоу, но никак не ожидал увидеть Ду Жуфана.

Ду Жуфан оказался человеком прямолинейным:

— Четвертый господин, мой младший брат неоднократно вел себя неподобающим образом. Позвольте мне принести вам извинения от его имени, — он отвесил глубокий поклон.

Мин Чжань слегка отстранился, сидя на кушетке, и жестом предложил ему выпрямиться.

Ду Жуфан поднялся, его дыхание превращалось в пар. Как сын, он не мог позволить отцу склоняться перед Фэн Мин Чжанем, но сейчас, глядя в спокойное лицо собеседника, он чувствовал, как трудно даются слова.

Фэн Мин Чжань был так невозмутим — казалось, он знает всё, но в то же время — ничего.

В глазах Мин Чжаня не было ни капли любопытства. Несмотря на холод, он терпеливо ждал.

Когда Мин Чжань уже начал чувствовать, что замерзает, Ду Жуфан наконец заговорил:

— Жулань с начала зимы болен, ему нехорошо.

Мин Чжань кивнул. Пусть хоть умрет, тогда не придется ломать голову, как расторгнуть помолвку.

Ду Жуфан, чувствуя, как по спине течет холодный пот, стиснул зубы и продолжил:

— Скажу начистоту: мы с вами родственники по материнской линии, и кровные узы — это правда. Моя старшая сестра вышла за Вэй Цзыяо. Мать думала, что он молод, красив и обходителен, значит, будет хорошим мужем. Но после свадьбы они ссорились каждый божий день, никакие чувства такого не выдержат. Жулань — мой брат, я знаю его лучше, чем вы. Если бы я был на вашем месте, я бы никогда не отдал сестру за него.

Начав, он осмелел:

— Он погряз в пороках, носится со своей служанкой как с писаной торбой, готов ради неё на всё. Я, как брат, не могу смотреть, как он губит себя. Но с таким характером он не достоин порядочной девушки.

Мин Чжань сохранял всё то же нечитаемое выражение лица.

Ду Жуфан продолжал:

— Если Четвертый господин не будет в обиде, мы сами решим вопрос с помолвкой. Это никак не отразится на репутации вашей сестры!

Небеса на моей стороне! Мин Чжань ликовал: всё решилось само собой, даже пальцем шевелить не пришлось. Ду Жулань сам всё испортил. Если семья Ду сама расторгнет помолвку

— это просто чудесно.

Мин Чжань достал из рукава блокнот и написал: «Как только помолвка будет расторгнута, человека верну».

Ду Жуфан согласился. Он понял, что в усадьбе Чжэньнань-вана уже давно тяготятся этим союзом. Мин Чжань приписал: «Уладьте всё сами, я не буду ничего говорить императору. Главное, чтобы это не повредило моей старшей сестре».

— Четвертый господин так рассудителен, семья Ду вам премного благодарна. Что касается княжны, то это мой брат не достоин её, это никак не отразится на ней.

Ду Жуфан был искренне рад, что Мин Чжань не стал чинить препятствий.

Мин Чжань улыбнулся, встал, потопал замерзшими ногами, и они вместе спустились с горы.

Едва Мин Чжань сел, прибежал Вэй Ань с театральными книгами. Его лицо было чистым, на подбородке виднелись две ранки, но он не обращал на них внимания:

— Только хотел позвать тебя выбрать пьесу, а тебя и след простыл. Посмотри, что хочешь? Я велю актерам подготовиться.

Мин Чжань пробежал глазами по списку и указал на «Наложницу, опьяненную вином». Вэй Ань отметил название:

— Отличный выбор, это коронный номер Сяо Гуйхуа.

Ду Жуфан сидел через одного человека от Мин Чжаня. Вэй Ань протянул ему книгу:

— Старший брат, не хотите тоже что-нибудь выбрать?

Ду Жуфан взглянул на выбранную пьесу, его строгое лицо смягчилось:

— Эта пьеса и так хороша, я не буду выбирать.

Вэй Ань перекинулся парой слов с Ду Жуфаном и убежал распоряжаться.

Сразу после полудня Мин Чжань, прикрывая щербатый рот, откланялся и поехал во дворец.

Позже Фэн Цзингань отчитывал Вэй Нина:

— Из-за твоего дня рождения у него два зуба выбиты!

Мин Чжань уже доложил ему всё в подробностях, и Фэн Цзингань был крайне недоволен суетой Вэй Нина.

Вэй Нин чувствовал себя несправедливо обиженным. На подбородке Вэй Аня остались шрамы, и если бы он был женщиной, это была бы трагедия. Поняв, откуда дует ветер, Вэй Нин покался:

— Ваше Величество, что мне было делать? Бэйчанхоу пришел ко мне домой. Я думал, мы все родственники, зачем ссориться? Хотел, чтобы они помирились. Сам теперь жалею, ведь говорят: лучше десять храмов разрушить, чем один брак. Кто же знал, что так выйдет.

— Сам виноват, — холодно ответил Фэн Цзингань.

Вэй Нин прикусил язык, выглядя крайне виноватым.

— Хватит притворяться передо мной, проваливай.

Вэй Нин исчез.

Семья Бэйчанхоу действовала быстро. Вскоре поползли слухи, что Великая принцесса Фучан внезапно тяжело заболела и находится при смерти, а врачи из императорской лечебницы бессильны.

Врачи действительно были бессильны: они выписывали рецепты, варили лекарства, но принцесса лишь хваталась за грудь и стонала. Помочь ей, вероятно, не могли бы даже пилюли бессмертия.

Вдовствующая императрица Вэй трижды в день присылала лекарей и лекарства.

Когда стало ясно, что снадобья не помогают и принцесса вот-вот отправится на тот свет, Бэйчанхоу, в отчаянии, пригласил монаха из храма Тяньци. Тот предсказал, что это кармический долг принцессы, и чтобы его искупить, кто-то из близких родственников должен молиться за неё в храме — от трех до двадцати лет.

Бэйчанхоу подал прошение от имени сына, выразив желание уйти в монастырь.

Ду Жулань рыдал (слезами радости, скрытыми под маской горя):

— Как сын, я не могу безучастно смотреть, как страдает мать. Я еще не женат и не при деле, так что как раз могу отправиться в храм. Лишь бы это помогло матери поправиться.

Буддизм — вещь удобная. Вспомнить хотя бы У Цзэтянь, которая, пожив в храме, стала женой императора Гао-цзуна, или Ян Юйхуань, которая после пострига вышла замуж за своего свекра, императора Сюань-цзуна.

Так помолвка была расторгнута.

Двадцать восьмого числа двенадцатого месяца Фэн Цзингань милостиво позволил Мин Чжаню вернуться в особняк на праздник Весны, до пятнадцатого числа первого месяца.

Мин Чжань велел привезти Сюэ Лин с ребенком из загородного дома и лично передал их Ду Жуюю. Ду Жуфан не пожелал прийти — он был слишком брезглив, чтобы смотреть на служанку, из-за которой его брат чуть не погубил репутацию семьи.

Ду Жуюй раньше знал, что с Мин Чжанем лучше не связываться, но теперь понял, что тот еще и весьма способный человек.

Сюэ Лин он помнил стройной и грациозной, именно поэтому его младший брат и потерял голову. Но когда он увидел её сейчас, то едва не отпрянул: перед ним стояла копия Фэн Мин Чжана — такая же упитанная и дородная.

Мин Чжань заметил реакцию Ду Жуюя и подал знак Фан Вэю.

Фан Вэй шагнул вперед:

— Второй господин, наш Четвертый господин знал, что госпожа Сюэ дорога Третьему господину, поэтому не смел экономить на её содержании. Особенно после родов — боялись, что ей не хватит сил, и наняли лучших кормилиц. Теперь посмотрите: госпожа Сюэ выглядит еще лучше, да и маленький господин полон здоровья. Теперь вы спокойны?

Ду Жуюй был в шоке: что за чудеса творятся в усадьбе Чжэньнань-вана, что из хрупкой красавицы сделали такую пышную даму? Он вежливо улыбнулся:

— Раз Четвертый господин всё устроил, я спокоен. Благодарю за заботу, примите эти скромные подарки от моих родителей.

Ду Жуюй передал подарки, понимая, что если не задобрить усадьбу Чжэньнань-вана, то в будущем им несдобровать.

Фан Вэй принял дары и передал Мин Чжаню. По весу списка подарков тот сразу понял, что к чему, и написал: «Мы же родственники, Второй двоюродный брат, не стоит так утруждаться».

После обмена любезностями Ду Жуюй, имевший еще дела, не стал задерживаться и увез Сюэ Лин с ребенком домой.

Дома Ду Жулань ждал их, вытянув шею. Когда он увидел любимую, то не сразу узнал её. Сюэ Лин, прижимая ребенка, со слезами на глазах прошептала:

— Господин Ду...

Ду Жулань опомнился:

— Лин-эр... Как же ты изменилась?

Хотя он был поражен переменами, радость воссоединения с возлюбленной и сыном была так велика, что его болезнь как рукой сняло.

Когда Мин Чжань разобрался с делами семьи Ду, наступил Новый год.

В огромном особняке хозяевами были только братья Мин Ли и Мин Чжань. Поскольку родовое кладбище было не в столице, они просто установили алтарь и поклонились в сторону юга. Вечером устроили праздничный ужин, пригласив Фан Вэя и других управляющих.

После поздравительных слов Мин Ли начали трапезу. Мин Чжань из-за смены зубов не мог есть твердое, выбирал только мягкое. Мин Ли, как старший брат, подкладывал ему пельмени:

— Попробуй, здесь разные начинки: баранина, говядина, морепродукты, крабовая икра, лук.

Мин Чжань любил пельмени. Он подцепил палочками один, похожий на слиток золота, откусил... и раздался звон. Пельмень выпал из рта, брызнув уксусом.

Мин Чжань, сдерживая слезы, зажал рот рукой. В тарелке, помимо надкушенного пельменя, лежала медная монетка. Мин Чжань чуть не заплакал — в пельмене оказалась засада!

Управляющий Ли Чжун поспешно встал:

— Поздравляю Четвертого господина! Какая удача!

— И правда, монетка была только в одном пельмене. Кто её нашел, того весь год ждет богатство, — поддакнули остальные.

Мин Ли жил в особняке, но Мин Чжань был не из тех, с кем можно шутить, поэтому все старались угодить именно ему.

Мин Чжань с недоумением посмотрел на управляющих, достал платок, прикрыл рот и выплюнул два маленьких молочных зуба.

Все замерли. Лесть застряла в горле.

У Мин Ли нервно дернулся уголок рта. Служанка принесла теплой воды. Мин Ли кашлянул, скрывая смех, и сказал:

— Полощи рот и ешь дальше.

Когда Мин Чжань открыл рот, стало видно, что четыре передних зуба отсутствуют. Мин Ли не выдержал и рассмеялся в голос, за ним зашлась в хохоте вся комната.

Мин Чжань позволил им посмеяться, но с тех пор стал улыбаться, не разжимая губ.

После праздников Мин Ли планировал брать Мин Чжана с собой на приемы к родственникам, но тот наотрез отказался. Мин Ли уговаривал его:

— Мы не могли не приехать, родственников много, если мы не будем их навещать, не скажут ли, что мы высокомерны?

Мин Чжана это утомило. Он зарылся в одеяло и написал: «Иди сам. Если пойдешь ты, никто не придерется, а я всё равно никого не знаю».

Мин Ли ходил по комнате, раздумывая. Он был не глуп и понимал: сейчас Мин Чжань стал гораздо популярнее него.

<http://bllate.org/book/25560/3049021>